

В. Б. Аксенов

Война и хула: уголовные дела об оскорблениях императорской семьи в годы Русско-японской и Первой мировой войн как исторический источник

В законодательстве Российской империи устное заочное оскорбление царя относилось к государственным преступлениям, причем под ним могло пониматься как прямое уничижительное высказывание, так и косвенное, в форме критики конкретных мероприятий. Оскорбление царской особы и членов царской семьи было отделено от статей, охранявших честь и достоинство прочих поданных империи, что укрепляло сакральные основания монаршей власти. Характерно, что обвиняемые зачастую действовали в рамках патерналистской логики и отнюдь не посягали на политические устои самодержавия, понимание чего демонстрировала судопроизводственная практика начала XX в., отличавшаяся, в сравнении с практикой Преображенского приказа и Тайных канцелярий XVII–XVIII вв., известной лояльностью к обвиняемым и не использовавшая максимальную меру наказания (8-летняя каторга).

Интерес к подобным делам как к источнику изучения повседневной жизни людей, их политических представлений, образов власти возник еще в XIX в. и сохраняется до сих пор¹. Первой источниковедческой работой, посвященной уголовным делам об оскорблении членов императорской семьи в годы Русско-

японской войны (статьи 245, 246, 247 и 248 Уложения о наказаниях и статьи 103, 106 и 107 Уголовного уложения 1903 г.), стала статья Л. М. Иванова, вышедшая в 1959 г.² Иванов отметил высокий потенциал источника для изучения политических настроений крестьянства, в том числе значимую роль оскорбительных слухов, в которых раскрывался «целый мир крестьянского сознания: здесь и наивная вера в царя, и озлобление против него за то, что он не дает земли, и ожидание “мятежа”, который приведет, наконец, к тому, что земля перейдет в руки крестьян»³. При этом советский историк переоценил классовую и политическую сознательность крестьянства, недооценивая карнавальный и зачастую аффективный характер оскорблений. Следующий этап источниковедческого изучения дел по 103-й статье периода Первой мировой войны пришелся на XXI в.⁴ Так, Б. И. Колоницкий доказал типичность оскорбительных практик для всех слоев населения, горизонтальный характер распространения оскорбительных слухов, а также снижение числа «пьяных» дел с 1915 г. Колоницкий предложил классификацию встречающихся оскорблений: «случайные», «карнавальные», «конфликтные», религиозные и политические, отметив, что наиболее частым ругательством в адрес Николая II было «дурак». В дальнейших исследованиях была более подробно изучена мифологическая составляющая оскорбительных слухов, а также уточнена структура оскорбительных эпитетов Николая II, что позволяет более точно реконструировать образы власти в предстании россиян⁵.

Отдельный вопрос — массовость подобных дел. В Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ) и Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) хранятся коллекции материалов по соответствующим делам периода Русско-японской и Первой мировой войн. Коллекция 1904–1905 гг. (ГА РФ. Ф. 124. Министерство юстиции. Оп. 25) включает 1558 случаев, коллекция 1914–1916 (РГИА. Ф. 1405. Министерство юстиции. Оп. 521. Д. 476) — 1473. Коллекция ГА РФ сформировалась в процессе деятельности Временной канцелярии при Министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, в которую поступали материалы по главным «оскорбительным» статьям — 246 и 103. Коллекция РГИА — это результат подготовки частичной амнистии в соответствии с царским указом от 10 февраля 1916 г., для чего на имя министра юстиции направлялись соответствующие доклады по заведенным делам. При этом полные уголовные дела находятся в фондах губернских жандармских управлений и среди них имеются «неучтенные» в упомянутых коллекциях. Поэтому реальное количество заведенных дел было больше. Однако абсолютные цифры едва ли способны ответить на вопрос о массовом характере оскорблений. Важно другое: типичность встречающихся оскорблений, их повторяемость в разных частях Российской империи свидетельствовала о существовании общего «оскорбительного дискурса».

В настоящей статье предметом исследования выступают две архивные коллекции, позволяющие выяснить структуру «оскорбительного дискурса» —

реконструировать социальный портрет типичного оскорбителя, образы оскорбленных и понять логику функционирования обценного дискурса на бытовом и правовом уровнях, — а также сравнить характеристики этого дискурса в 1904–1905 и 1914–1916 гг.

Прежде чем перейти к характеристике самих источников, необходимо упомянуть правовую базу. Хотя 22 марта 1903 г. Николай II утвердил новое Уголовное уложение, в котором в составе третьей главы «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома» действовали статьи 103, 106 и 107 о различных типах заочных оскорблений, третья глава вступила в силу только летом 1904 г., в результате чего часть дел заводилась на основании статьи 246 Уложения о наказаниях. Следует заметить, что Уголовное уложение 1903 г. отличалось большей мягкостью наказаний за соответствующие преступления: так, статья 246 Уложения о наказаниях предусматривала в качестве минимального тюремного заключения срок в семь дней, в то время как статьи Уголовного уложения не указывали минимального срока ареста, и на практике он чаще всего ограничивался двумя днями. При этом хотя максимальное наказание за сознательное возбуждение неуважения к монаршей особе оставалось прежним — восемь лет каторги, — также отменялся минимальный порог в шесть лет по этой части статьи. 103-я статья содержала три части, связывавших наказание с характером преступления: по первой части, предполагавшей умысел, — каторгу, по второй части, без умысла — крепость, по третьей, по невежеству или в состоянии опьянения — арест. Характерно, что, если 246-я и 248-я статьи Уложения о наказаниях предполагали одинаковую меру как для хулителей царя, так и прочих членов семьи, составители Уголовного уложения противопоставили императора, императрицу и наследника престола прочим членам семьи, высшей мерой наказания за оскорбление которых вместо каторги была ссылка на поселение (106-я статья). Однако 54-я статья Уголовного уложения предусматривала смягчение наказания и замену каторги ссылкой, чем и пользовались судьи, вынося приговоры по делам по 103-й статье. Профессор права Варшавского университета В. В. Есипов отмечал, что широкая градация максимальных и минимальных сроков наказаний в Уголовном уложении свидетельствовала о «высоком доверии законодателя к суду в деле выбора меры и степени наказания»⁶.

Кроме того, в Уложении о наказаниях 247-я статья предусматривала уголовную ответственность свидетелей за недонесение о преступлении, в то время как в третьей главе Уголовного уложения 1903 г. подобной статьи не было. При этом судопроизводственная практика по Уложению о наказаниях по 247-й статье, как правило, привлекала к ответственности лишь официальных лиц. Так, например, 28 сентября 1903 г. во время сельского схода в деревне Кульбаева Мураса Казанской губернии крестьянин Федор Котов апеллировал к милости императора, в то время как сельский староста Ерофей Сучков возражал в том смысле, что государь далеко, а им нужно самим решать

текущие дела, в состоянии раздражения неудачно выразив это фразой «государь в п*зде, а мы здесь». Спустя две недели пристав Чистопольского уезда получил анонимный донос на Сучкова и во время расследования выяснил, что на сходе присутствовали полицейский сотский Михаил Сурманаев и десятский Семен Архипов. Несмотря на наличие других свидетелей, не донесших на Сучкова, прокурор Казанской судебной палаты приговорил по 247-й статье только сотского и десятского к аресту при полиции на 3 дня каждого, а обвиняемого Сучкова по 246-й статье — на 8 дней⁷. Мягкость приговора объяснялась тем, что полицейские чины заявили о своей неосведомленности относительно содержания 247-й статьи, а Сучков выразил раскаяние, объяснив, что не имел умысла оскорбить императора.

В отдельных редких случаях 247-я статья могла трактоваться в пользу обвиняемого, когда у следствия возникали сомнения в обоснованности доноса ввиду явной предвзятости доносчика: в этом случае отсутствие предусмотренных законом донесений свидетелей о правонарушении объяснялось отсутствием самого нарушения.

Следует заметить, что в целом судебные практики по этим статьям были довольно мягкими, и в разбираемых коллекциях нет ни одного случая отправки обвиняемого на каторгу. Несмотря на разнообразие коллекции периода Русско-японской войны, именно доклады 1916 г. включают наибольшее количество упоминаний вынесенных по делам приговоров, в результате чего мы можем изучить структуру наказаний. Чаще всего обвиняемые приговаривались по третьей части 103-й статьи к аресту при полиции от двух дней до месяца. Таких случаев было 53%. Распределение приговоренных по трем частям 103-й статьи (поселение, крепость, арест) было следующим: 63% по третьей части, 34% по второй части (при этом из них 22% обвиненных получили срок до 1 месяца и 23% от года до трех лет крепости) и лишь 2% по первой части были приговорены к ссылке на поселение с лишением всех прав состояния.

Правда, известен еще один вариант приговора, не предполагавшийся упоминаемыми статьями, — принудительное психиатрическое лечение. Инерция карательной психиатрии, распространенной в XIX в., сохранялась и в начале XX в. Так, в апреле — мае 1904 г. в Подольской губернии проходило следствие по обвинению крестьянина Кузьмы Франченко в нарушении 246-й статьи Уложения о наказаниях за произнесенные в состоянии алкогольного опьянения слова: «Государь — х... (мужской детородный член), а Бог — п... (женский детородный орган)... Я японец, дайте сюда Государя и я разорву его на части»⁸. Франченко был отправлен на психиатрическое освидетельствование, однако на основании царского манифеста 11 августа 1904 г., вводившего амнистию, дело было прекращено. А вот крестьянин Тверской губернии Никита Брюнгин, заявивший 19 апреля 1915 г., что «государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит», был отправлен на принудительное психиатрическое лечение⁹.

По закону строгость наказания зависела от наличия или отсутствия умысла, поэтому состояние алкогольного опьянения выступало смягчающим обстоятельством. Кроме того, учитывалась грамотность обвиняемого: образованный человек мог получить более строгое наказание, чем неграмотный, так как должен был отдавать себе отчет в собственных словах и поступках. Так, разбирая весной 1904 г. дело учителя Самаркандского городского училища Михаила Бакеркина, назвавшего в апреле 1903 г. императрицу Александру Федоровну немкой и сволочью, прокурор Ташкентской судебной палаты заключил: «Особые обстоятельства, при которых Бакеркиным было совершено вмененное ему в вину деяние (опьянение во время произнесения брани, молодость, *безупречные нравственные качества* (здесь и далее выделено мной. — В. А.), политическая благонадежность, семейное и *общественное положение*) дают основание отнести к нему снисходительно, *несмотря на его интеллигентность*»¹⁰. Примечательно, что смягчающими обстоятельствами здесь названы безупречные нравственные качества и общественное положение обвиняемого, т. е. его должность городского учителя, а отягчающим — интеллигентность, определяемая той же должностью и нравственными качествами.

В делах нередко указывалось, имел ли обвиняемый судимость. В случае, если он уже привлекался по одной из политических статей, это также приводило к ужесточению наказания. При этом нужно отметить, что в большинстве случаев обвиняемые ранее по подобным статьям не привлекались, в отдельных случаях полиция даже отмечала их политическую благонадежность. Так, астраханский извозчик Поляков, возмущавшийся повинностью по поставке лошадей в войска и не желавший идти на войну, произнес в феврале 1916 г., сопроводив слова матерной бранью в адрес Николая II: «Если меня будут брать на войну, я все равно не пойду, а если пойду, то за Вильгельма, и вместе с ним всажу нашему царю осиноый кол в задницу. Он всю Россию и нас мучит». Полякова привлекли по второй части 103-й статьи, предусматривавшей заключение в крепости, отказав ему в помиловании по «высочайшему повелению» 10 февраля 1916 г. В качестве характеристики Полякова отмечалось, что он «малограмотен, женат, бездетен, не судился, политически благонадежен»¹¹. Очевидно, отказ в помиловании, равно как привлечение по II, а не более легкой III части статьи, объяснялось наличием «мотивировочной части» оскорбления, указывавшей на осознанный характер.

Нередко отягчающим характером выступала национальность обвиняемого. В годы Русско-японской и Первой мировой войн в России обострились социальные и этнические конфликты, расцветали шпиономания и ксенофобия, поэтому в группу риска входили все инородцы, на которых часто писали доносы. Так, в июне 1904 г. крестьяне деревни Шуры Вятской губернии Никита и Матвей Наумовы обвиняли приходивших в деревню татар, включая и татарина — земского начальника, в том, что они выступали против Русско-японской войны и заявляли, что, «если турок пойдем воевать, то черемисы и татары пойдут

против Русского Царя», дополняя это угрозами убийства в адрес Николая II¹². В октябре 1904 г. крестьяне Люблинской губернии обвинили лесного сторожа имения Василев австрийско-подданного Антона Мециша в произнесении слов, что «Русский Император будет сидеть голой ж... на колу, так как Японцы разбили русское войско и прогнали его из Порт-Артура». Правда, в процессе следствия выяснилось, что Мециша оклеветали за то, что он воспрепятствовал крестьянам косить траву и брать воду из колодца в охраняемом имении¹³.

В годы Первой мировой войны при равнозначности оскорбительных слов более строгий приговор получали этнические немцы, прибалты и евреи. Так, осенью 1914 г. эстонец Христиан Педдер по второй части 103-й статьи получил максимальные три года крепости за слова: «Русский император глупее, чем свинья, и ему не победить германца»¹⁴. Для сравнения, тогда же смоленский мещанин Семен Детков за матерные слова с угрозой убийства: «Государя нам не нужно, надо его убить... (брань)», — получил лишь месяц ареста при полиции¹⁵. При этом за угрозу убийством царя еврейка г. Каинска Мере Трескова получила год и четыре месяца крепости. Правда, высказывание Тресковой содержало антивоенную мотивировочную часть: «Если бы я была там (на войне. — В. А.), то всадила бы ему первую пулю»¹⁶. Также к году крепости был приговорен еврей Мовша Малкин, возмущавшийся тем, что царь забрал на войну четырех сыновей его свата: «...(брань) вашего государя, чтоб он околел»¹⁷. Однако министр юстиции А. А. Хвостов нашел возможным помиловать Малкина в соответствии с повелением от 10 февраля 1916 г., наложив резолюцию: «Полагал бы возможным это дело прекратить ввиду... преклонного возраста и состояния нарушенного душевного равновесия, вызванного призывом 4 сыновей близкого человека». Другой еврей, киевский купец I гильдии Борук Бродский, также получил год крепости за то, что прокомментировал сообщение «Русского слова» о поездке императора в действующую армию словами: «Государь император должен был ехать из Петрограда прямо в Варшаву, а поехал кругом, вот сукин сын»¹⁸.

Согласно уголовным делам 1904–1905 и 1914–1916 гг., война являлась сильным раздражающим фактором, усиливающим неприязнь к верховной власти. Крестьянин Вятской губернии Максим Одинцов размышлял во время разговора о войне: «Зачем Царь наш обижает Японцев, из-за какой-то земли воюют»¹⁹. Призванный по мобилизации летом 1904 г. крестьянин Енисейской губернии Павел Сарап, отправляясь из деревни на войну, говорил, что, если бы он встретил царя, то убил бы его и прекратилась бы война. Бывший при этом его однодеревенец Карл Мац соглашался с Сарапом, ответив, что «тогда бы спаслись целые тысячи народа»²⁰. Сомневаясь в успехах русской армии, крестьяне мечтали об изменении государственного устройства: «После войны этого Царя сменят и будут выбирать, как волостных старшин на 2 или 3 года»²¹. По мере затягивания Первой мировой войны, а также по аналогии с событиями 1904–1905 гг., усиливались ожидания революции. 5 июля 1915 г. крестьянин

Казанской губернии Порфирий Яковлев на вопрос однодеревенца, что пишут газеты о мире, ответил: «Какой тебе мир. Скоро будет Всероссийское собрание, проберут государя императора и наследника, затем их кончают (убьют), а правительство сожгут. Как Иисуса Христа распяли, так и распнут государя императора и наследника, после чего жить станет легче»²².

Следует отметить, что часть оскорбительных высказываний была незаслуженно приписана обвиняемым по навету сводивших с ними счета доносчиков. В этой связи может возникнуть вопрос, насколько правомерно включать подобные выдуманнные фразы в общенародный оскорбительный дискурс. Однако нельзя не обратить внимание на то, что доносчики и обвиняемые демонстрировали один тип мышления, употребляли одни и те же слова и выражения. Исследуя отношение к царской власти населения Урала в XVIII в., Р.Г. Пихоя заметил, что «доносчики в некоторых случаях формулировали слухи... смелее, чем то, что им удавалось подслушать»²³. Б.И. Колоницкий соглашается с тем, что в ряде случаев доносители приписывали обвиняемым свои собственные мысли²⁴. В этом контексте противопоставлять доносчиков и обвиняемых как верных монархистов оппозиционерам некорректно. Доносчики зачастую, разделяя мнение того, на кого доносили, пользовались случаем для сведения личных счетов. Бывало, что те и другие писали взаимные доносы друг на друга. Подобным образом проявился конфликт между псаломщиком церкви села Перевесья Пензенской губернии потомственным почетным гражданином Алексеем Феликсовым и священником этой же церкви Николаем Тиховым. Священник Тихов донес на Феликсова, что, когда 26 июля 1915 г. он зашел в квартиру последнего узнать, готовы ли метрические выписки на подлежащих призыву на военную службу, псаломщик ответил: «На кой они черт нужны, все равно и этих людей переколотят. Варшаву и Ивангород немцы взяли и наших переколотили. Наставил жопников, например, Фредерикса, вот они и работают. Раз к ним народ относится враждебно, то на черта их держать»²⁵. Феликсов заявил, что Тихов возвел на него ложное обвинение, так как давно старается выжить его из прихода, при этом сообщил, что Тихов в мае 1915 г. при свидетелях, обвиняя правительство в бездеятельности, сказал: «А наш государь окружил себя министрами-немцами ослами, да и сам-то выходит осел»²⁶. Вероятнее всего, в данном случае оба персонажа, и священник, и псаломщик, позволяли себе ругательства в адрес верховной власти.

Тем не менее, хотя в ряде случаев образы доносчика и обвиняемого сливаются, уголовные дела, заведенные по 246-й и 103-й статьям, демонстрируют признаки массового источника, позволяющего с помощью количественных методов реконструировать портреты среднестатистических участников оскорбительного дискурса. Б.И. Колоницкий отметил, что, согласно уголовным делам, оскорбление членов императорской семьи — это преступление изначально «русское» и «крестьянское», которое по мере затягивания войны расширяет свою социальную и этническую базу²⁷. Архивные коллекции 1904–1905 и 1914–1916 гг.

позволяют уточнить социальный состав обвиняемых и отметить определенную динамику. Обращает на себя внимание возрастание доли крестьянства среди обвиняемых в годы Первой мировой войны. Так, если процент обвинений крестьян среди прочих сословий за годы Русско-японской войны равнялся 67, то в период Первой мировой войны — 72. Этот рост нельзя объяснить одним перераспределением долей, возрастает также и абсолютное количество — с 936 до 997 случаев. Тем не менее, несмотря на то что мобилизация 1914 г. затронула большее количество крестьян, увеличение их доли можно связать в том числе с повышением правовой грамотности второй по количеству совершенных преступлений социальной группы — мещан, среди которых число обвиняемых сократилось с 287 до 222 (с 21 до 16%). При этом первые три места остались неизменными: крестьяне, мещане, осужденные (арестанты, каторжане, ссыльные). Зато произошли изменения четвертого и пятого мест: в 1904–1905 гг. их занимали дворяне и казаки соответственно, а в 1914–1916 г. казачество по числу оскорблений Романовых обогнало дворян (3% против 1%).

Также нельзя не отметить гендерные изменения — значительный (в четыре раза) рост среди оскорбителей доли женщин (преимущественно солдаток-крестьянок) в годы Первой мировой войны: с 4% (60 случаев) в 1904–1905 гг. до 16% (227 случаев) в 1914–1916 гг. С ростом женских протестных высказываний можно связать повышение общей эмоциональности и образности проклятий. Женщинам-крестьянкам часто принадлежали образные угрозы физической расправы над Николаем II: «Когда его поймают, то я первая выколю ему глаза вилкой и чтобы его порубили на котлеты», «Если бы он мне попался, я бы его, сукина сына, так, вот так разорвала», «Взяла бы я царя и разорвала его пополам за то, что он требует недоимку», «Если бы этот царь попался мне на глаза, то я бы его зубами и руками раздернула, а если бы попало мне ружье, то я бы его из ружья застрелила», «Если бы я теперь встретила этого глупого Николашку, то вцепилась бы в него и вырвала бы ему кишки»²⁸. С течением времени именно в женской среде сильнее всего начало проявляться раздражение от войны²⁹.

Архивные коллекции позволяют реконструировать не только портрет хулителей царя, но и образы власти. За годы Первой мировой войны члены императорской семьи по числу оскорблений выстраиваются в следующей последовательности: Николай II (80% оскорблений), главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич (6%), вдовствующая императрица Мария Федоровна (5%), императрица-супруга Александра Федоровна (4%), царевич Алексей (3%), княжны (2%), великие княгини Елизавета Федоровна и Мария Павловна Мекленбург-Шверинская (у обеих менее 1%). Если первые два места не вызывают вопросов, то третья позиция Марии Федоровны нуждается в пояснении: хотя для образованных городских слоев главным антагонистом являлась Александра Федоровна, которую обвиняли в шпионаже в пользу Германии в силу ее немецкого происхождения, то в крестьянской среде обвинения императрицы-супруги переадресовывались императрице-матери. Это являлось особенностью

крестьянского оскорбительного дискурса, на который, во-первых, оказывали влияние распространенные слухи о том, что именно по вине Марии Федоровны П. А. Столыпин (назывался ее любовником) отказался дать крестьянам землю, а во-вторых, сказывалось воздействие фольклора: образ сказочной злой вдовы или мачехи переносился на вдовствующую императрицу. Так, среди оскорбительных слухов присутствовали имевшие явный фольклорный характер рассказы о том, что Мария Федоровна пыталась сварить наследника-царевича в ванне (в других слухах он объявлялся ее незаконнорожденным сыном)³⁰. Что касается случаев оскорбления царевича Алексея, то связано это было с пожеланием пресечения всей династии. В этой связи показательна доля пожеланий смерти и угроз убийством среди оскорблений. По этому показателю первые два места сохраняют за собой император (44% среди всех оскорблений в его адрес) и его дядя (28%), а на третье место поднимается царевич Алексей (25%). Четвертое и пятое места принадлежат Александре Федоровне (15%) и Марии Федоровне (5%).

Николай II как главный объект критики в первую очередь обвинялся в глупости (крестьяне доказывали его глупость безграмотностью, утверждая, что он умеет подписываться только своим именем или по портретам сравнивали его внешность со знакомыми дурачками-юродивыми). За эпитетом «дурак» (43%) следовали «грабитель» (23%), «Антихрист» (13%), «развратник» (11%), «изменник» (10%). При этом нужно отметить, что эти «ипостаси» пребывали в диалектической связи. Так, например, царя могли назвать «грабителем» потому, что он «дурак» или «Антихрист», или «дураком», потому что предается плотским утехам во время войны. Глупость царя иногда связывалась с его алкоголизмом и праздностью. Так, мещанин г. Скопина Рязанской губернии Федор Ходеев, беседуя на улице 19 июля 1915 г. с соседями, сказал: «Царь дурак, пьяница, гуляет, а за делами не смотрит»³¹.

Следует заметить, что количество оскорблений, включавших в себя пожелание смерти или угрозу убийством, было меньше в годы Русско-японской войны. Также этот период не отличался сильными эсхатологическими переживаниями, в сравнении с 1914–1916 гг., в результате чего образ Николая II как Антихриста реже встречается в уголовных делах. По традиции чаще всего императора Антихристом называли старообрядцы. Так, вятский крестьянин-раскольник Никандр Двоеглазов летом 1904 г. произнес: «Царя у нас нет, теперешний Царь антихрист, верует дьяволу и от него пошли деньги — змеиное жало»³². Накануне Первой мировой войны в деревнях распространялись легенды, в которых технический прогресс и гонка вооружений интерпретировались в эсхатологическом ключе³³. В дальнейшем восприятию событий Первой мировой войны в контексте Апокалипсиса способствовала массовая мобилизация, выдернувшая людей из привычной жизни и отправившая их на смерть, а также природные явления: солнечное затмение над Европейской частью России 8 августа и появление на небе «кометы войны» (кометы Делавана) осенью

1914 г. Мобилизации ратников различных разрядов 1914–1916 гг. настраивали крестьян на мысль, что цель царя — истребить русский народ. В этой связи проводились параллели с царем Иродом, который в фольклорных текстах выступал в качестве Сатаны³⁴. Уже в сентябре 1914 г. мельник с. Малая Джалга Ставропольской губернии Павел Гренченков рассказывал посетителям мельницы: «Говорят, что народится Ирод. Вот и народился Ирод — это наш царь Николай»³⁵. За эти слова Гренченков был приговорен по III части 103-й статьи как неграмотный к аресту сроком на шесть недель, хотя и произнес их, будучи трезвым. В декабре 1915 г. казачка Полтавской губернии Мавра Поцыбай зашла в дом своей знакомой и увидев, что та прибавляет к стене картину, изображавшую государя, спросила: «На что вы этого антихриста прибавляете?»³⁶ При этом Поцыбай обвинялась в том, что на другом портрете, изображавшем царя, царицу и наследника престола, выцарапала всем глаза. В докладе отмечалось, что казачка неграмотная, имеет троих детей, а ее муж находится в действующей армии. Тем не менее прокурор завел дело по II части 103-й статьи, настаивая на заключении ее в крепость. В министерстве юстиции также не увидели в ее деле достаточных оснований для помилования по указу от 10 февраля 1916 г.

Осквернение царских изображений (чаще всего порезы и проколы, реже — заклеивание лиц и глаз, рисунки на них) являлось распространенной практикой среди различных слоев населения. Часто этим занимались учащиеся средних и высших учебных заведений, особенно в период 1904–1905 гг., когда происходил рост числа студенческих волнений. Так, например, учащиеся Богородицкого сельскохозяйственного училища Зуева осквернили в апреле 1904 г. портрет Николая II, разорвав картину на месте лба и правого глаза императора, а левый глаз прокололи³⁷. В феврале 1904 г. жандармские унтер-офицеры, посетив Богущское гминное управление в Щучинском уезде Ломжинской губернии, обнаружили сделанные перочинным ножом порезы на висевших там двух портретах императора³⁸. В некоторых случаях осквернение царских изображений носило ритуально-магический характер. Выкальвание на портрете глаз являлось своеобразной формой проклятия. 29 февраля 1916 г. в доме крестьянки Волынской губернии Оттилии Гартфильд был обнаружен «висевший вниз головами портрет Государя Императора с Царской Семейей... причем на местах глаз, носа, рта у всех дыры; на груди государя императора также дыры, а на руках государыни и великих княжон проколы. Портрет внизу на лицевой стороне слегка испачкан кровью, а на обратной стороне — большие кровавые пятна»³⁹. Для Гартфильд было запрошено наказание по первой части 103-й статьи — каторга или ссылка на поселение, в помиловании по повелению 10 февраля 1916 г. ей было отказано. Следует заметить, что уже само по себе расположение портрета вниз головой рассматривалось в качестве заочного оскорбления монарха, в связи с чем заводились уголовные дела.

В то время как часть разбиравшихся дел по 103-й статье не оставляла сомнений в умышленном характере оскорбления, имела явную форму политического

протеста, другие носили непредумышленный характер, в сознании обвиняемого таковыми не являлись и приобретали политический смысл лишь в результате обвинения нарушителя в государственном преступлении. Так, показательный случай, произошедший весной 1902 г. с крестьянином Волынской губернии Александром Дамсом. Посмотрев на висевший на стене портрет императрицы Александры Федоровны и желая подчеркнуть ее привлекательность, он без задней мысли произнес: «Государыня Императрица такая милая, хорошая женщина, ее каждый мог бы с удовольствием е...ть»⁴⁰. В марте 1904 г. Дамс был приговорен по 248-й статье Уложения к минимальному наказанию — семи суткам ареста.

Случалось, что во время следствия полиция становилась на сторону обвиняемого и пыталась указать на смягчающие обстоятельства. Бывало, составители протоколов отмечали, что крестьяне произносили ругательства «без всякого смысла, по привычке». Так, например, в Тобольской губернии была распространена идиома «царь не в копейку», связанная с временами, когда на копейке изображался всадник с пикой или саблей и царской короной на голове (XVI–XVIII вв.). Фраза употреблялась для выражения ценностного несоответствия одного объекта другому, носила абстрактный характер. Тем не менее в 1916 г. за употребление этих слов тобольский крестьянин Николай Коровин был направлен под надзор полиции⁴¹. В других случаях отмечался автоматический характер брани. Так, в характеристике на крестьянина Пермской губернии Афанасия Осокина, выматерившегося в адрес императора, говорилось, что Осокин — порядочный человек, но на слова неосторожный и подвержен «постоянной матерной брани»⁴².

Следует признать, что правоприменение 103-й статьи отличалось известным волюнтаризмом, а неопределенность формулировок, отсутствие формальных критериев оскорбления с целью возбуждения неуважения в первой части и без цели возбуждения неуважения во второй части допускало манипуляции законом. Еще более зыбкой была граница между формулировкой второй и третьей частей: разница между оскорблением без цели возбуждения неуважения (что само по себе предполагало некоторую наивность, правовую безграмотность хулителя) и оскорбления по неразумению и невежеству оставалась на усмотрение следствия. Также осложняло ситуацию главное основание для вынесения вердикта — показания свидетелей. Учитывая, что разбирательство нередко заводилось на основании анонимного доноса, доносчик мог выступать одновременно и свидетелем. Отношение к свидетельским показаниям определялось личными и профессиональными качествами жандармских чинов и прокуроров: в одних случаях учитывались давнишние конфликты между свидетелями и обвиняемыми, последовательность и непротиворечивость показаний, в других — нет. Случалось, что показания свидетелей расходились, и тогда следствие могло встать на любую сторону. Так, в марте 1904 г. Херсонское губернское жандармское управление разбирало дело Феликса Власека, обви-

нявшегося в том, что, порвав портрет императора с императрицей, он произнес оскорбительные слова в адрес Николая II и пожелал победы Японии. Так как свидетельские показания разошлись, а у одного из свидетелей обвинения был личный конфликт с Власеком, товарищ прокурора Херсонского окружного суда пришел к выводу, что Власек не изобличается свидетельскими показаниями в совершении преступления⁴³. В другом случае крестьянки села Захаровки Киевской губернии показали на местного эконома имения, мещанина Александра Нелепа, что он в разговоре о войне в ответ на фразу крестьянки: «...чтобы у японцев глаза полопались за то, что столько людей из-за них погибает», осмелился ответить: «...пусть у вашего царя глаза лопнут». Хотя восемь свидетельниц подтвердили произнесение Нелепом оскорбительных слов, следствие посчитало их показания неубедительными на том основании, что неграмотные крестьянки слово в слово повторяли показания друг друга, заподозрив их в сговоре. Интрига заключалась в том, что Нелеп был экономом великого князя Андрея Владимировича, и последний лично ходатайствовал за Нелепа перед министром внутренних дел⁴⁴.

Известны случаи, когда по наставлению приставов или жандармских чинов агенты-provokatory подговаривали наивных подданных совершать преступления. Так, в апреле 1904 г. в Тифлисской губернии группа учеников Ланчхутского городского училища уничтожила портрет императора. В процессе следствия выяснилось, что учащихся на этот шаг подбил их товарищ, который состоял агентом у пристава. После выяснения этого факта все обвиняемые были освобождены из-под стражи⁴⁵.

Таким образом, уголовные дела, заведенные за оскорбление членов императорской семьи, являются ценным историческим источником, позволяющим изучить как общественные настроения в Российской империи, так и внутреннюю политику власти. Источники демонстрируют, что обесценный политический дискурс периода Русско-японской войны, несмотря на сопоставимое с периодом Первой мировой войны количество дел, менее разнообразен и эмоционален. На это указывает редкость «нечистых», inferнальных характеристик членов царской семьи, а также определенный дефицит абсурдных слухов, выстраивавших нарратив об августейших особах-предателях в 1914–1916 гг. Вероятно, это объясняется отдаленным характером военных действий и меньшим размахом мобилизации в сравнении с Первой мировой войной. Тем не менее мобилизация и война становились значимым фактором социально-политических конфликтов. Патерналистское сознание наделяло монарха-автократа персональной ответственностью за все невзгоды, обрушивавшиеся на народ.

Следует признать, что правоприменительная практика по 246-й и 103-й статьям не могла положительно сказаться на образе верховной власти и чаще лишь способствовала ее дискредитации в глазах народа. Учитывая, что значительная часть высказываний имела яркую эмоциональную окраску, произносилась во время ссоры в состоянии аффекта, уголовные статьи являлись неудачной

попыткой регулирования властями эмоциональных режимов деревни и города в условиях роста социально-психологической напряженности в эпохи войн. Понятие оскорбления всегда относительно, а его правовые основания связаны с эмоционально-психологическим состоянием всех участников обценного дискурса или уголовных практик. Очевидно, что при разных обстоятельствах и в разном контексте одни и те же слова и поступки могут восприниматься по-разному. Это признавало и уголовное законодательство, допуская разную меру наказания для умышленного и неумышленного оскорбления. Поэтому для формирования правовых процедур необходимо было наличие не столько намерения субъекта оскорбить представителя власти, сколько готовность самого объекта оскорбляться, что часто наделяло бытовые или безадресные обценные высказывания политическим подтекстом. Именно наличие чувствительной к оскорблениям власти формировало многочисленные прецеденты и, тем самым, способствовало еще большей дискредитации этой власти. Судебные практики запускали порочный круг: демонстрация готовности оскорбляться означала политическую слабость, уязвимость носителя власти и становилась фактором его символической делигитимации. Подобная механика становилась особенно заметной во время Русско-японской и Первой мировой войн, когда российские подданные в условиях ущемления базовых инстинктов были особенно предрасположены к критике власти, а власть, осознавая военные неудачи и внутренние хозяйственные трудности, была крайне чувствительна к оппозиционным высказываниям. Эти взаимоотношения усиливали социально-политическую напряженность и формировали революционные настроения.

¹ *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1885; *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

² *Иванов Л. М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103-й и 246-й статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII. С. 119–134.

³ Там же. С. 125.

⁴ См.: *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.

⁵ *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. С. 269.

⁶ *Есинов В. В.* Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава, 1903. С. 161.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 124. Оп. 25. Д. 50. Л. 5 — 5 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 385. Л. 3 об.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 99 об. — 100.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 240. Л. 5 об.

- ¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 178.
¹² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 840. Л. 1.
¹³ Там же. Д. 1290. Л. 1 об., 4 об.
¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 14 об.
¹⁵ Там же. Л. 66.
¹⁶ Там же. Л. 129.
¹⁷ Там же. Л. 162 об.
¹⁸ Там же. Л. 240 об.
¹⁹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 840. Л. 1.
²⁰ Там же. Д. 1120. Л. 1.
²¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 990. Л. 2.
²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 278 об.
²³ *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 168.
²⁴ *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика». С. 64.
²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 271 – 271 об.
²⁶ Там же. Л. 271 об.
²⁷ *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика». С. 65.
²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 77 – 77 об., 216 об., 309, 423, 506.
²⁹ *Аксенов В. Б.* «Красная баба идет»: женские погромы в годы Первой мировой войны (от базовых эмоций к социально-политическому насилию) // Новое литературное обозрение. 2024. № 5 (189). С. 133–153.
³⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 262, 336.
³¹ Там же. Л. 105 об.
³² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 923. Л. 1.
³³ *Кривошеков А. И.* Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 201.
³⁴ *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. С. 279.
³⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 332.
³⁶ Там же. Л. 305 об.
³⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 536. Л. 1 об.
³⁸ Там же. Д. 188. Л. 2.
³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 114.
⁴⁰ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 290. Л. 4.
⁴¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 121 об.
⁴² Там же. Л. 533 об.
⁴³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 185. Л. 3 – 4 об.
⁴⁴ Там же. Д. 895. Л. 1 – 7 об.
⁴⁵ Там же. Д. 628. Л. 4 – 5 об.

References

Aksenov, V. B. “Krasnaya baba idet”: zhenskie pogromy v gody Pervoi mirovoi voiny (ot bazovykh emotsii k sotsial’no-politicheskomu nasiliyu) [“The Red Baba is Coming”: Women’s Pogroms in World War I (from Base Emotions to Socio-Political Violence)]. In Russ.]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2024. No. 5 (189), pp. 133–153.

Aksenov, V. B. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians in the Years of War and Revolution (1914–1918)]. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 992 p.

Anisimov, E. V. *Dyba i knut. Politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII v.* [Dyba i Knut. Political Investigation and Russian Society in the 18th Century]. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 720 p.

Ivanov, L. M. Dela o privlechenii krest'yana k otvetstvennosti po 103 i 246 stat'yam kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskikh nastroyenii kanuna pervoi russkoi revolyutsii [Cases on Prosecution of Peasants under Articles 103 and 246 as a Source for Studying Peasant Sentiments on the Eve of the First Russian Revolution. In Russ.]. In *Problemy istochnikovedeniya*. 1959. Vol. 8, pp. 119–134.

Kolonitskii, B. I. "Tragicheskaya erotika": *Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 664 p.

Lukin, P. V. *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [People's Perceptions of State Power in Russia of the 17th Century. In Russ.]. Moscow, Nauka, 2000. 294 p.

Pikhoya, R. G. *Zapiski arkhеографа* [Notes of an Archaeographer. In Russ.]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publishing House, 2016. 475 p.

Toporkov, A. L. *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX vv.: Istoriya, simbolika, poetika* [Zagovory in the Russian Manuscript Tradition of the 15th–19th Centuries: History, Symbolism, Poetics. In Russ.]. Moscow, Indrik, 2005. 478 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Б. Аксенов. Война и хула: уголовные дела об оскорблениях императорской семьи в годы Русско-японской и Первой мировой войн как исторический источник // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 86–101

Аннотация: Дела об оскорблениях членов императорской семьи являются ценным источником изучения общественных настроений и формирующихся в них образов власти, позволяют реконструировать портрет среднестатистического оскорбителя, а также демонстрируют парадоксы государственных практик противодействия обценным высказываниям. Источники показывают, что обценный политический дискурс периода Русско-японской войны, несмотря на сопоставимое с периодом Первой мировой войны количество дел, менее разнообразен и эмоционален, в нем в меньшей степени распространены инфернальные характеристики членов царской семьи, менее выражены эсхатологические настроения и политические слухи. Автор считает, что борьбу государства с оскорблениями власти нельзя считать успешной — в ряде случаев законодательство и судопроизводственная практика способствовали распространению оскорбительного политического дискурса, создавая соответствующие прецеденты и тем самым усиливая социально-политические конфликты эпохи войн.

Ключевые слова: оскорбления, Николай II, Русско-японская война, Первая мировая война, 103-я статья Уголовного уложения, 246-я статья Уложения о наказаниях.

FOR CITATION

V. B. Aksenov. War and Blasphemy: Criminal Cases of Insults to the Imperial Family during the Russo-Japanese and World War I as a Historical Source // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 86–101

Abstract: Cases of insults against members of the imperial family are a valuable source for studying public sentiments and the images of power formed in them; they allow reconstructing the portrait of an average insulter, as well as demonstrating the paradoxes of state practices of counteracting obscene statements. The sources show that the obscene political discourse of the Russo-Japanese War period, despite a comparable number of cases to that of World War I, is less diverse and emotional, with less prevalent infernal characterizations of members of the royal family and less pronounced eschatological sentiments and political rumors. The author believes that the state's struggle against insults to power cannot be considered successful — in a number of cases legislation and judicial practice contributed to the spread of insulting political discourse, creating relevant precedents and thus intensifying socio-political conflicts of the war era.

Key words: insults, Nicholas II, Russo-Japanese War, World War I, Article 103 of the Criminal Code, Article 246 of the Penal Code.

Автор: Аксенов, Владислав Бэнович — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

Author: Aksenov, Vladislav Benovich — Dr. of Sci. in History, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vlaks@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2716-7700